

Итак, в течение следующих нескольких месяцев мы вступили в следующий этап нашего долгого и извилистого пути. Постепенно стало казаться, что мы движемся к совместной жизни. Большинство ночей мы спали вместе в доме Бобби, иногда ночуя в моей квартире, если так было удобнее. Он по-прежнему хотел проводить в одиночестве одну-две ночи каждую неделю, но то, что я получала, было настолько чудесным, что я не жаловалась.

И мы вели себя как семейная пара — вместе обедали, время от времени гуляли, встречались с друзьями, такими как Фелисия и Кирк (который, казалось, немного взял себя в руки), планировали время от времени отпуск или уик-энд. У меня было около девяноста процентов того, о чем я мечтала, и я была **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** счастлива.

И я начала ездить в командировки — иногда раз в месяц, иногда чуть чаще. Всегда поездки были на одну или две ночи, и я всегда рассказывала Бобби все: куда собиралась, название отеля, как долго меня не будет, когда были мои прямые и обратные рейсы. Я звонила ему из каждой гостиницы, называя номер своей комнаты, и чертовски старалась, чтобы оказаться в своем номере, как только заканчивался деловой ужин, на котором должна была присутствовать.

На самом деле, пару раз у нас был довольно жаркий секс по телефону между Колумбусом и Детройтом или Колумбусом и Милуоки!

Когда я путешествовала в одиночку, ко мне подкатывали мужчины, но в этом не было ничего нового. Парни подкатывали ко мне с шестнадцати лет, а в мире бизнеса — с двадцати двух или около того, и отбиваться от них было обычным делом. Даже когда я работала на Чарли и иногда трахала важных клиентов, был десяток парней, от каждого из которых мне приходилось отбиваться, чтобы не затащили в постель.

В Сент-Луисе во время моей четвертой или пятой поездки я встретила парня по имени Марк, который был необычен только своей настойчивостью. Ну, и тот факт, что он был одним из самых красивых мужчин, которых я когда-либо видела в своей жизни.

Я ужинала в ресторане отеля и планировала тихую ночь в своей комнате, готовясь к встречам на следующий день. Марк пришел поужинать в одиночестве, как и я. Его провели к столику в другом конце зала, где он сидел, заказав выпивку, а затем ужин. Затем он оглядел зал и, заметив меня, довольно долго наслаждался разглядыванием. В этом тоже не было ничего особенного.

Минут через пять он встал и подошел прямо к моему столику с красивой улыбкой на лице. Как я уже сказала, это был действительно очень красивый мужчина.

— Извините, что беспокою вас, но еда в одиночестве — одно из моих наименее любимых занятий в мире. Не окажете ли вы мне большую честь, позволив присоединиться к вам?

Я посмотрела на него, впечатленная не только внешностью, но и его подходом. Он даже не притворялся, что не просто так болтает со мной. Я подняла левую руку, на которой носила золотой браслет, который всегда был на мне в командировках. «Нет, спасибо», — сказала я.

— Эй, вы меня ранили! — сказал он с широкой улыбкой, совершенно не выглядя обиженным.

— Уверю вас, у меня благородные намерения! Я просто надеюсь на какой-нибудь разговор, что-то, что скрасит скучную трапезу.

Улыбаясь в ответ, я сказала:

— Если я не ошибаюсь, в этой закускойной есть еще несколько человек, ужинающих в одиночестве, и я уверена, что вы найдете нового друга.

— Да, но большинство из них — мужчины, а ни одна из женщин не привлекательнее вас даже на одну десятую часть.

— Я не стану с вами спорить, — улыбнулась я, — но я не буду ужинать с вами, поэтому, пожалуйста, оставьте меня в покое, мистер...

— Марк, — сказал он, протягивая мне руку, чтобы я пожалала ему, — Марк Пирсон.

— Хорошо, Марк Пирсон, спасибо за приглашение. А теперь идите. — Я сказала это вежливо, но твердо, и он театрально вздохнул:

— Вы разбили мне сердце, мисс... — очевидно, дожидаясь в ответ моего имени, но я не назвала его.

Я подумала, что на этом все закончится, но на следующее утро в семь сорок пять в кафе появился Марк, когда я читала газету и ела свою булочку с отрубями. Я должна была отдать должное этому парню за настойчивость — и, действительно, он был одним из самых великолепных мужчин, которых я когда-либо видела, он мог бы быть моделью — но за завтраком заинтересовал меня не больше, чем за ужином. Я снова прогнала его, но признаю, что в тот же день в самолете на обратном пути в Колумбус у меня была о нем фантазия или две.

Три поездки спустя в отеле Хайят в Шарлотте, где я провела две ночи, был еще один очень привлекательный и очень настойчивый мужчина. В то время я особо не задумывалась об этом, потому что, как я уже сказала, парни меня сильно доставали. Но это был третий необычный парень, который, наконец, открыл мне глаза.

Это был мой второй вечер из двухдневного пребывания в Чикаго, и я праздновала подписанный контракт с Брэдом и Деброй, моими коллегами из компании, с которой мы много работали. Они отвезли меня в действительно хороший стейк-хаус, а после мы вернулись в холл моего отеля, чтобы выпить и еще немного времени провести вместе. Я работала с ними обоими раньше, и мы всегда хорошо проводили вместе время.

Мы над чем-то смеялись, когда Дебра внезапно подняла голову и сказала:

— Боже мой, Кен! Что ты здесь делаешь? — Она вскочила и обняла парня, который только что вошел в бар, — еще одного высокого, спортивного вида, действительно симпатичного парня.

— Брэд и Ари, это Кен — мы были соседями и лучшими друзьями во Флинте, штат Мичиган, миллион лет назад. Кен, Брэд работает со мной в Альберстонс, а Ари — из компании в Колумбусе, с которой мы ведем много дел.

Естественно, мы пригласили Кена присоединиться к нам, и вчетвером просидели еще час или около того, смеясь и болтая. Я позволила себе второй martini с водкой, так как мне не требовалось никуда идти, кроме как наверх, в постель. Быстро стало очевидно, что я привлекаю к себе довольно большое внимание Кена, но поскольку нас было четверо, это казалось безобидным, и я позволила себе насладиться его флиртующими шутками и случайными прикосновениями к моей руке.

Примерно в десять вечера Брэд сказал:

— Ну, что ж, банда, не хочу прерывать вечеринку, но мне правда пора домой. — Дебре тоже нужно было уходить, и Кен предложил составить мне компанию, «пока мы не допьем».

Внезапно я осталась наедине с этим красивым парнем, который флиртовал со мной, я выпила

пару мартини и почувствовала себя довольно расслабленной. Тем не менее, мы были в общественном месте, где было много людей, так что, меня это не взволновало.

Но флирт Кена стал более серьезным, а прикосновения участились. Примерно через десять минут я сказала:

— Кен, было приятно познакомиться с тобой, но мне пора подняться наверх, чтобы позвонить мужу. — Обычная ложь, которая всегда помогала.

Когда я встала, то почувствовала себя неустойчивой и расплывчатой — слишком неустойчивой и расплывчатой для двух рюмок. Я немного покачнулась, и Кен схватил меня за талию.

— Эй, держись, Ари, давай удержимся в вертикальном положении.

Прежде чем я поняла, он проводил меня к лифту, говоря:

— Позволь мне убедиться, что доберешься до своей комнаты, хорошо? Какой у тебя номер? Что-то здесь определенно было не так. Я не знала, что это было, только то, что я чувствовала себя слишком туманной. Я сказала:

— Нет, правда, я в порядке, — но Кен настаивал, потянув меня с большей силой, и внезапно это стало совсем не в порядке.

— Подожди! Помогите! — крикнула я, поворачиваясь к стойке регистрации. Кен попытался затащить меня за угол к лифтам, но я продолжала кричать, пока один из служащих не вышел из-за своей стойки.

— Чем могу помочь, мэм? — спросил он, с сомнением глядя на меня и Кена, который все еще держал меня за руку.

— Пожалуйста, просто попросите этого мужчину оставить меня одну. Мне не нужна его помощь.

Клерк с беспокойством сказал:

— Простите, сэр, вы — гость в этом отеле?

Кен, должно быть, понял, что не получит того, что хотел, потому что бросил мою руку и сказал: — Нет, тогда я просто уйду, — и быстро вышел через парадную дверь, даже не пожелав мне спокойной ночи.

Чувствуя себя еще более легкомысленной и одурманенной, мне удалось поблагодарить клерка и попросить его проводить меня в мою комнату. Зайдя внутрь, я схватила мобильник и позвонила Бобби.

— Детка, это я. Слушай, я не очень хорошо себя чувствую. Ничего, если мы просто пожелаем друг другу спокойной ночи и увидимся завтра, когда я вернусь?

— Конечно, Ари, с тобой все в порядке? Что происходит... где ты?

— Я — в своей комнате одна, но чувствую себя немного... странно. Как будто выпила слишком много, но я не пила! Просто пиво за ужином и пара мартини. В любом случае, думаю, мне нужно лечь спать. — Я еле удерживала голову.

Мы закончили разговор по телефону, и через несколько секунд я заснула. Когда проснулась на следующее утро, на мне было мое помятое платье, оставшееся со вчерашнего вечера, я лежала поверх одеяла, и было мокрое пятно на всю подушку от протекшей слюны. Я чувствовала себя заторможенной и тупой, почти как под действием наркотиков. Я затащила себя в душ, собрала вещи, направилась на завтрак и села на шаттл в аэропорт.

Я не чувствовал себя самой собой до полудня, а когда моя голова прояснилась, я начала понимать, что почти наверняка была под действием наркотиков. Это должен был быть тот

засранец Кен — я довольно хорошо знала Брэда и Дебру и могла им доверять. Или думала, что это так.

Это вызвало следующий вопрос: был ли Кен просто каким-то засранцем, который накачивал женщин наркотиками, чтобы трахнуть их, или все это было подстроено? Я вспомнила двух других очень красивых парней, подкатывавших ко мне в недавних поездках, и мои маловероятные подозрения стали казаться менее маловероятными.

Вернувшись домой, я распаковала вещи и переоделась, а затем вздремнула. На ужин после работы пришел Бобби.

Я встретила его пивом и крепким поцелуем, затем повела на кухню, чтобы смогла закончить приготовление ужина.

— Ты скучал по мне, детка? — спросила я.

— Конечно. Две ночи смотреть, как проигрывают Индейцы, — намного менее увлекательно, чем ночь с моей лучшей девочкой.

Я подошла и села к нему на колени.

— Я рада, что я — твоя лучшая девочка, это все, кем я когда-либо хотела быть. — Но у меня к тебе вопрос, — сказала я, глядя ему прямо в глаза, — это не ты натравливал парней на меня в мои поездки, чтобы попытаться меня трахнуть?

Я ожидала, что он будет либо сердито отрицать это, либо стыдливо признается, но он этого не сделал.

— Ага. Но, насколько я понимаю, тебя еще никто не трахнул, — сказал он ровным тоном, глядя на меня. — Не сердись, Ари, и не ожидай, что я буду смущен. «Обжегшись на молоке, дуешь на воду» — я уверен, что ты слышала это выражение. А потом есть еще одно: «Доверяй, но проверяй».

Я встала и вытащила сковороду с курицей из духовки, поставив ее на плиту.

— Я не сержусь, Бобби, но разочарована, потому что это означает, что ты чувствовал, что должен это сделать, но не сержусь. Ты когда-то доверял мне, а я предала тебя... ужасно. Теперь ты мне не доверяешь, и я, конечно, понимаю, почему. Но я немного удивлена, что ты приказал какому-то парню накачать меня наркотиками.

Теперь он выглядел га самом деле шокированным и расстроенным.

— Наркотиками? О чем ты говоришь?

— Помимо заурядных подкатов, которые я привыкла получать в командировках, за последние несколько месяцев было три настоящих жеребца. — Я рассказала ему о Марке и втором парне, а затем продолжила рассказывать ему о Кене.

— И я чертовски уверена, что он что-то добавил в мой напиток, потому что я никогда не чувствовала себя так после двух мартини, и потому что он был так агрессивен в том, чтобы «помочь» мне добраться до моего номера. Я уверена, что если бы я не позвала на помощь, он бы изнасиловал меня, а потом сообщил тебе, что я с энтузиазмом поднялась с ним наверх и трахалась так, что глаза вылезли из орбит.

Бобби покачал головой, выглядя совершенно встревоженным.

— Господи, Ари, я никогда... это плохо. — Он посмотрел на меня. — Я посылал за тобой парней. Всех троих из тех, кого ты заметила, и еще одного, который, должно быть, произвел меньшее впечатление. Их было четверо. И я подумал, что у Кена, возможно, будет лучший шанс прижать тебя, потому что он давным-давно знал Дебру — эта часть не была подстроена. Так что, он был бы другом подруги, и ты могла потерять бдительность. Но я понятия не имел,

что кто-то попытается накачать тебя наркотиками! Я... я... мне очень жаль, Ари, правда. И я хочу, чтобы кто-нибудь оторвал этому парню чертову голову!

Я почувствовала себя немного лучше, поняв, что Бобби, по крайней мере, не зайдет так далеко, чтобы заставить парня накачать меня. Думаю, это было небольшим утешением! За ужином мы долго обсуждали все это — он рассказал мне об агентстве, которое использовал, я же рассказала ему подробности о разных парнях и о том, что они пробовали.

Когда мы пили кофе, я сказала:

— Так, ты собираешься еще посылать за мной жеребцов?

— Я не знаю... а требуется? — Бобби был прямолинеен и не раскаивался.

— Что ж, с моей точки зрения, нет. Я получаю от тебя много чудесного траха, детка, прямо здесь, в Колумбусе. Я больше НИКОГДА не сделаю тебе того, что делала, когда мы были женаты. Я обещала это раньше, и я обещаю это снова... Но если тебе необходимо продолжать испытывать меня — это твоя проблема. Если ты хочешь тратить деньги, добро пожаловать. Только никаких наркотиков и никакой силы, хорошо?

Он вздрогнул.

— Господи, Ари... конечно же, нет!

Я улыбнулась.

— Хорошо. Ты отведешь меня в постель и заставишь меня почувствовать себя лучше? Посуду я могу вымыть в любое время.

После это стало нашей внутренней шуткой. Каждый раз, когда я возвращалась из командировки, Бобби спрашивал:

— Ты заметила моего парня? Довольно симпатичный, не правда ли? Был ли он хорош в трахе?

И я бы хотела ответить: «Да, на самом деле он был потрясающим. Большой твердый член, и он мог всю ночь напролет», но я никак не могла такого сказать, даже в шутку. Поэтому я просто описывала того, кто подкатывал ко мне, или самого красивого, если их было несколько, и говорила:

— Не этот ли твой парень, Бобби, или его просто сразила моя внешность, и он не смог устоять?

Тогда Бобби говорил:

— Нет, этот не выглядит так, как мой, Ари, ты, должно быть, сама привлекла его внимание. А потом, слава богу, мы позволили этому уйти и продолжили нашу жизнь. По правде говоря, я никогда не знала, пытается ли он меня подставить или нет. Это не имело значения — я не собиралась трахать никого из них и даже не позволяла этому приблизиться. Если Бобби хотел и дальше тратить свои деньги, это было его дело.

Через неделю после Дня труда я поняла, что пора подводить итоги. Мы с Бобби только что вернулись из отпуска на озере в северной части штата Нью-Йорк — романтической недели, полной пеших прогулок, гребли на каноэ, солнечных ванн, чтения книг, и не забывайте про секс. Много действительно классного секса: иногда жесткого и потного, иногда романтического и нежного.

Прошло почти семь лет, с тех пор как Бобби поймал меня на измене и развелся со мной, пять лет, с тех пор как он женился на Лоре, и чуть больше двух лет, с тех пор как я вернулась в

Колумбус после их развода, и мы снова начали встречаться.

Мы не женаты и не живем вместе, но довольно близки к этому. Мы проводим большинство ночей в его доме, где к настоящему времени в шкафу находилась большая часть моей одежды, и я держалась за свою квартиру больше по инерции, чем по какой-либо иной причине.

Когда я думала обо всем, то была так счастлива, что едва могла дышать, но большую часть времени я просто занималась своими делами. У меня все еще каждые две недели были сеансы с Джоном Эриксоном, но я начинала говорить ему, что не вижу особого смысла продолжать работу, потому что «у меня есть почти все, что я хотела». Из всех перипетий в длинной растянутой истории обо мне и Бобби, то, что произошло потом, было самым неожиданным. Возможно, не в ретроспективе, когда я подумала об этом, но в то время я была напугана.

Все началось с хороших новостей. Мы вместе пили пиво после субботнего ужина во внутреннем дворике, и я сказала:

— Как там Дэниел? — В тот день Бобби разговаривал по телефону со своим братом.

— У них с Маршей все в порядке — с детьми тоже. Вообще-то, я хотел кое-что с тобой обсудить. сказал он, улыбаясь. — Они хотят, чтобы мы приехали к ним на День Благодарения — мы оба. Я сказал, что поговорю с тобой об этом.

У меня отвисла челюсть.

— Правда? Твой брат впустит меня в свой дом? Вавилонскую блудницу?

Он рассмеялся.

— Да, я думаю, он думал так какое-то время. Я — тоже, помню. Когда я поймал тебя на измене, он выслушал меня, давал мне советы, подбадривал меня и помог мне не расклеиться совсем. И, конечно, он ненавидел тебя, Ари... а почему нет? Но он услышал, как у нас все идет в последние несколько месяцев, и сказал: «Мне это кажется безумием, братан, но если ты счастлив, то и я счастлив». Конечно, он также сказал: «Но будь осторожен, ты меня слышишь?»

Я кивнула:

— Я не могу винить его, Бобби. Он видел, как сильно я тебя обидела, и он волновался о тебе. Но если он на самом деле хочет позволить мне приехать к нему с тобой и стать частью семьи на День Благодарения, я была бы счастлива поехать!

Я была на седьмом небе от счастья! Не говоря уже о довольно влажных трусиках. Я забралась к нему на колени и начала целовать его, обвив руками за шею. Несколько минут мы целовались во внутреннем дворике, а через несколько минут после этого стянули с себя одежду и вместе прыгнули на кровать.

Я уложила Бобби на спину и нырнула к его члену. Я не хотела делать ему превосходный минет, как тот, который его разозлил, а просто хотела сделать его член красивым и твердым, чтобы он мог засунуть его в меня.

Я облизывала его и сосала, обхватил его яйца ладонью и поглаживая их, и он застонал от удовольствия, но его полужесткий член так и оставался полужестким.

Этого никогда не случалось за все годы, что мы были вместе. Не то чтобы я возражала против того, чтобы его член был у меня во рту, но через десять минут он все еще был недостаточно тверд, чтобы засунуть его в меня. Я подняла голову, чтобы посмотреть на Бобби, и он выглядел смущенным.

— Извини, Ари — я понятия не имею, почему... То есть, я хочу... но просто...

— Чшшш, — сказала я. Я соблазнительно устроилась, откинулась назад, удерживая его член,

и как бы втиснула его в себя. «Вот и все», — подумала я и начала мягко двигаться, наслаждаясь своими чувствами.

Но по мере того как Бобби начал толкаться мне навстречу, становилось только хуже, а не лучше, и примерно через минуту его почти безвольный член просто выпал из меня. Выражение его лица было смесью удивления и смущения.

— Да ладно, детка, — сказала я. Я притянула его к себе и прижалась к нему, больше ничего не говоря, просто наслаждаясь ощущением его тела рядом с моим. Я была полна решимости не придавать этому большого значения — мы были вместе, голые в постели, и это было главным. Через некоторое время мы просто накрылись одеялом и уснули.

Но это случилось и на следующее утро. Бобби проснулся со своим обычным утренним стояком, и после того, как каждый из нас посетил ванную, был готов прыгнуть на меня. Но когда он начал вставлять его в меня, его член упал в обморок, как Мими в последнем акте «Богемы», и никакая оральная поддержка с моей стороны не могла вернуть его к жизни более чем наполовину.

На этот раз Бобби было явно стыдно. Он настоял на том, чтобы встать между моих ног и полизать меня, и позвольте сказать, что таланты этого мужчины с языком не уменьшились со временем! Между его ртом и пальцами он подарил мне два оргазма мирового класса, и я визжала и кричала с приходом каждого из них.

Но когда я пошла возвращать долг, то ничего от него не получила. В конце концов, мы сдались и позавтракали, а когда я предложила принять вместе душ, думая, что у меня будет еще один шанс возбудить его, он как-то нервно сказал «нет», ему требовалось купить кое-что в Хоум Депот, и он вышел за дверь, прежде чем я смогла его остановить.

Все еще ничего страшного, правда? За исключением того, что это случилось в следующие четыре раза, когда Бобби пытался заняться со мной любовью: сосание его члена заставляло его отвердеть, но не так сильно, и когда он попытался трахнуть меня, то снова обмякал. После этого он стал полностью избегать секса. Мы все еще ходили вместе есть или смотреть кино, и все еще спали в его постели каждую ночь, но он держался на расстоянии. Дошло до того, что все, кроме легких объятий, заставляло его очень нервничать, и даже перед сном все, что я получала, — это один поцелуй.

Он также не желал об этом говорить, он бы менял тему или просто покачивал головой, говоря:

— Не пытайся проводить со мной психоанализ, Ари, хорошо? — И мне пришлось отпустить это, хотя я знала, что будет только хуже.

И я была права. Через три дня после нашей последней неудачи Бобби сказал мне за ужином, что хочет, чтобы я вернулась на выходные в свою квартиру.

Я просто смотрела на него, и он нервно сказал:

— Я встречаюсь с Рэйчел.

Долгое молчание. Здесь может идти зловещая барабанная дробь.

Я сказала:

— Хорошо.

Мой разум был заполнен вопросами: «Значит ли это, что ты отказываешься от нас? Это одноразовая вещь? Ты съезжаешь с Рэйчел? Ты хочешь, чтобы я вынесла из дома всю свою одежду и вещи?»

Но я прикусила язык и не задала ни одного из них. Вместо этого я попыталась сделать глубокий вдох, и мы сели и закончили ужин. Никто из нас больше ничего не говорил о Рэйчел или о том, что это значит.

Я убрала со стола, и мы молча загрузили посудомоечную машину. Потом я сказала:

— Бобби, мы можем выйти и посидеть на веранде?

— Конечно, — сказал он и вышел вслед за мной. Я подождала, пока он сядет в кресло, а затем, не спрашивая, забралась к нему на колени и обняла его, а голову положила ему на плечо. Я понятия не имела, что говорить, поэтому ничего не сказала.

После минутного колебания он обнял меня, и некоторое время мы молчали. Я была очень напугана и несчастна, но объятия мне очень помогли.

Я провела выходные у себя дома, используя свободное время, чтобы привести себя в порядок и немного постирать, стараясь не думать о Бобби и Рэйчел — в значительной степени безуспешно. Днем в воскресенье пришла Фелиция и научила меня своему фантастическому рецепту паэлы на ужин, так что, это было хорошим развлечением.

Она рассказала мне обо всех последних событиях с Кирком, который, казалось, перевернул новую страницу и был бойфрендом на уровне пятёрки с плюсом, и она сочувствовала мне по поводу последних потрясений с Бобби.

— Это — Рэйчел, та самая сука, которую он трахал год назад, до того как вы двое стали на самом деле снова парой?

— Да, тогда он порвал с ней, потому что ему стало скучно с ней во всем, за исключением секса. Я предполагаю, что эти выходные в первую очередь связаны с тем, чтобы его член все еще работал.

Несчастливым голосом я сказала:

— Честно говоря, я даже не возражаю, чтобы он трахнул ее — я никогда не желала, чтобы эти отношения куда-то делись. Страшно то, что он не может уладить это со мной прямо сейчас, а если мы не сможем все исправить, то Я ЗНАЮ, что наши отношения закончились.

У меня не было иллюзий, что большая часть моего влечения к Бобби, хотя, конечно, не вся, была сексуальной. Нам всегда было здорово вместе, и перспектива безбрачной жизни со мной не привлекала его.

— Так каков твой план, Ари? Ты — «решительная» девочка, как ты собираешься это исправить? Я покачала головой.

— Хотела бы я знать. После всего, через что мы прошли, после того, как хорошо у нас все получалось, это слегка похоже на то, как будто карма усилилась и ударила меня пирогом по лицу. Если бы он никогда не заговорил со мной снова после нашего развода — одно дело, Лиш. Но снова быть вместе, практически вместе жить, а потом — это?..

У Фелисии тоже не было никаких идей, кроме как открыть еще одну бутылку хорошего австралийского белого вина. Это оказалось неплохим планом, по крайней мере, на пару часов.

Следующие несколько недель были странными, напряженными и очень страшными. В понедельник я позвонила Бобби на работу и небрежно спросила, нельзя ли мне в этот вечер приехать и приготовить нам ужин. Другими словами — «я снова живу в доме с тобой или ты меня выгоняешь»?

Он хмыкнул, крикнул и, наконец, сказал то, что думает:

— Нам нужно немного отдохнуть друг от друга. Это не значит, что ты меня не волнуешь, Ари — совсем нет. Просто...

— Будь честен со мной, Бобби, хорошо? — сказала я. — Это просто «мне нужно немного побыть наедине с собой» или же «я хочу еще несколько раз выебать Рэйчел до потери сознания, а ты будешь мешать»?

После долгого молчания он сказал:

— Ну, сегодня она приедет на ужин.

Я глубоко вздохнула и сказала:

— Хорошо. Послушай, мы можем оставаться на связи? Не возражаешь, если я позвоню тебе?

— О нет, совсем нет, — сказал он, — конечно, мы будем на связи. — Я не поверила ни единому слову и закончила разговор в довольно подавленном состоянии.

Но я была неправа: мы НА САМОМ ДЕЛЕ поддерживали связь. Мы разговаривали по телефону почти каждый день, и он звонил мне по крайней мере так же часто, как и я ему. Мы обедали вместе каждые несколько дней, и он даже примерно пять раз в течение следующего месяца или около того просил меня прийти на ужин. Каждый раз казалось само собой разумеющимся, что я проведу ночь в его постели, хотя он не позволял мне приближаться к нему физически, и секса вообще не было. Мы целовались на ночь, как какая-то пожилая супружеская пара, и все.

В ответ на мои осторожные вопросы он сказал, что да, он часто «видится» с Рэйчел, что, как я быстро подтвердила, означало «чертовски часто». Оказалось, что его проблемы с эрекцией со мной вообще не проявлялись, когда дело касалось ее.

С другой стороны, ничего из ее вещей не валялось в его доме — ни одежды, ни кружевного белья, ни косметики. И ничего из моих не было убрано. Так что, как бы мрачно все ни казалось, у меня были основания для надежды. Может быть, стратегия Бобби заключалась в том, чтобы «трахать Рэйчел как можно больше, пока снова не почувствует себя уверенно, а затем вернуться к Ари». Меня бы это устроило, но только если он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** вернется ко мне... и если это сработает.

— Итак, где я, Джон? Я думала, что вернула своего мужчину — почти во всех важных отношениях. Мы почти жили вместе, я знаю, что он заботится обо мне, он даже готов включить меня в День Благодарения своей семьи! Хотя не хуже меня знает, какой это большой шаг. И он явно все еще хочет меня видеть. Но наша сексуальная жизнь — это ноль в буквальном смысле! Вот уже около шести недель. И он все более и более странно проводит со мной время. Когда он позволяет мне приходить к себе, то избегает ко мне приближаться, ложится спать слишком рано или продолжает спать допоздна, я боюсь, что в любой момент он скажет мне, что переводит Рэйчел в дом, чтобы она была его постоянной подругой по траху. И почему бы нет? Если каждый раз, когда мы вместе ложимся в постель, его член опускается, как мертвое растение, я имею в виду, что от этого ему должно быть ужасно! — Я подпираю голову руками и с тоской смотрю в пол.

— Хорошо, Ари. Мы уже говорили об этом раньше, но давай попробуем еще раз. Почему это происходит?

Я смотрела на него.

— Потому что Бог ненавидит меня и у него дурацкое чувство юмора? — Мы оба засмеялись. — Хорошо, — сказала я. — Думаю, я могу придумать пару причин. Первая: это еще один, своего

рода подсознательный способ наказать меня за то, что я с ним сделала. Своеобразная месть: «Ты наебала меня, Ари, теперь ты не сможешь меня трахнуть». Только, это не так убедительно. Во-первых, это было много лет назад, и с тех пор мы столько вместе пережили — почему это началось именно сейчас? Но, что еще важнее, это, по крайней мере, такое же ужасное наказание для него, как и для меня, так как это начало касаться его головы. У него есть Рэйчел, обнадеживающая его, что его член все еще работает, но я уверена, что он задастся вопросом, сможет ли он когда-нибудь снова трахнуть меня? Что ему вообще-то нравится. Так что, в целом, я не думаю, что дело в том, чтобы меня наказать.

Джон кивнул.

— Тогда какова другая причина?

— Это тоже не имеет большого смысла после всего этого времени — но, может быть, он напуган всеми другими мужчинами, которые, как он знает, трахали меня во время нашего брака. Может быть, его пугает необходимость вступить в соревнование с ними?

— Угу. Но почему это могло произойти только сейчас, а не несколько месяцев назад?

Я подумала. Затем улыбнулась.

— Потому что... может быть, потому, что он начинает более серьезно думать о... о нас как о паре... о том, чтобы снова быть вместе навсегда?

Джон сказал:

— Это то, что мне кажется наиболее вероятным. Раньше мы уже говорили об этом: когда все происходит нерегулярно, ставки ниже. Ему не нужно так много думать о том, что ты сделала, обо всех твоих парнях, с которыми у тебя был секс.

— Но по мере того как ты приближаешься к нему и с осознанием того, что он возвращается к серьезным отношениям с тобой, в его голове начинает маячить конкуренция с этими мужчинами и становится реальной проблемой. Я уверен, что семейный День Благодарения был главным спусковым крючком для этого, хотя и не единственным.

Я кивнула, думая об этом. Некоторое время мы молчали. А потом я широко улыбнулась:

— Если это так, то... тогда, если бы я могла устранить проблему конкуренции, может быть, мы смогли бы это решить?

Джон улыбнулся, сказав:

— Я волновался, когда же ты подумаешь об этом.

Бобби все больше и больше избегал меня, не только встречаясь с Рэйчел, но и устраивая после работы обеда с некоторыми из своих друзей, но мне удалось уговорить его прийти ко мне в пятницу вечером, пообещав жареного цыпленка. Я всегда была поварихой так себе, но жареный цыпленок у меня получался отличным, и он все еще ему нравился.

Мы поужинали в непринужденной обстановке, выпили пару кружек пива, а затем, когда заканчивали мыть посуду, я сказала:

— Не мог бы вы помочь мне кое в чем, Бобби?

— Конечно, — сказал он, вероятно полагая, что необходимо укрепить книжную полку или что-то в этом роде. — Что там такое?

— Дай мне минутку, и я покажу тебе. — Я исчезла в спальне и минут через пять позвала его войти.

— Что за... ? Забудь об этом, Ари, — сказал он, поворачиваясь, чтобы уйти. Я стояла рядом с кроватью в совершенно непристойной красной ночной рубашке, которая лучше всего

подчеркивала мои соски и лобок. Мои волосы были распущены и причесаны, и я освежила макияж. Если не считать скромности, я выглядела чертовски сексуально.

— Подожди, Бобби! — закричала я. Я закрыла дверь спальни и встала напротив нее, позволяя ему полюбоваться видом. Затем я подошла к нему, обвила руками его шею и поцеловала самым горячим поцелуем. Он не то чтобы поцеловал меня в ответ, но и не оттолкнул, и я провела рукой по его штанам, чтобы найти хотя бы начало стояка.

Все еще внимательно наблюдая за ним, я вернулась к кровати и позволила ночнушке упасть мне на ноги, минуту позируя совершенно голой. Затем я встала на кровати и устроилась так, что оказалась на четвереньках. Мои колени были расставлены, и моя задница была направлена на него, а мое смазанное отверстие блестело.

Я оглянулась через плечо на его неуверенное лицо. — Бобби, ты знаешь, я была шлюхой-изменщицей, но у меня были свои правила. За все время я никого не подпустила к своей заднице. Никто, кроме тебя, не был там у меня более десяти лет, с тех пор как мы с тобой впервые встретились. Моя задница — твоя, Бобби, вся твоя, и так было всегда. А теперь давай, возьми ее.

Он смотрел на меня, а я ждала, затаив дыхание. Он сказал:

— Я не думаю...

Я спрыгнула с кровати и подошла к нему, позволив ему увидеть, как подпрыгивают мои сиськи. Я положила руку ему на штаны — его член многообещающе набух.

— Твоя женщина, твоя задница, детка... только твоя, и ничья больше, — тихонько напевала я слова ему в ухо, потирая его член. Потом я быстро стянула с него одежду... он не сопротивлялся. Я положила его на кровать на спину. Взяв смазку, я смазала его член, который до сих пор оставался твердым, а затем быстро забралась на него.

— Только для тебя, Бобби... только для твоего, — снова сказала я и медленно направила свою задницу на него. Он был пассивен, что было чертовски хорошо, потому что у меня там не было члена с того дня, как он застукал меня с Чарли. (Хотя буду честна: пару дней я тренировалась с маленьким дилдо.) Я расслабилась, застонав от растяжения, которое было на грани между удовольствием и болью.

Он был со мной терпелив... или, может быть, просто ошеломлен, я не знаю... и позволил мне медленно опуститься на него, принимая по сантиметру, а затем снова подниматься, так что, вероятно, прошло добрых пять минут, прежде чем он полностью был в моей заднице, и я твердо сидела на его бедрах. Я чувствовала себя такой потрясающе наполненной... я почти не могла поверить, что он когда-либо был там раньше!

— Эта задница всегда была только для тебя, детка, — напевала я ему, — только для тебя, сейчас и всегда. — Я начала скользить по нему назад и вперед, втягивая сантиметров пять его члена внутрь, а потом отпуская наружу. Это было фантастически! Я смотрела на его лицо, на котором возбуждение постепенно сменялось потрясением.

Затем внезапно он сел, схватил меня за руки и поднял с себя.

— Бобби, что?..

— Перевернись, Ари, подложи под себя эти подушки. — Он поставил меня на четвереньки у края кровати, подложив под живот подушки, и стал позади меня. Затем без всяких церемоний он плавно и твердо снова вошел в мою задницу. Он сразу начал скользить внутрь и наружу. Слава богу, он взял ответственность на себя!

Я расслабилась и отдалась ощущениям. Мы с Бобби наслаждались анальным сексом во время

нашего брака, хотя это было довольно редким событием. Тем не менее, меня удивило, что мы почему-то ни разу не вернулись к нему за те много месяцев, что встречались.

Теперь он ускорился, держась за мои бедра и плотно натягивая их на себя при каждом толчке внутрь, проталкивая этот восхитительный каждым своим сантиметром член мне в задницу, насколько мог дотянуться. Я стонала, выкрикивала его имя, протягивая руку между ног, чтобы потереть клитор, отчего моя задница чувствовала себя еще лучше.

Но прежде чем я успела дойти до кульминации, Бобби ускорился, начал очень сильно толкаться внутрь и наружу, невероятно громко застонал, а затем вдавился в меня изо всех сил, стреляя внутри своей горячей спермой. Он крикнул, вскрикнул и дернул меня за бедра, пытаясь втиснуть в меня каждый миллиметр своего члена. Это было слишком рано для моего оргазма, но мне было плевать!

Мы рухнули вместе, перекатываясь набок, чтобы Бобби мог обнять меня сзади, его член медленно смягчался и, наконец, выпал из меня. Я не решалась сказать ни слова... я была на грани, невероятно счастливая и невероятно нервная. Мы удобно лежали вместе, по крайней мере с полчаса.

Наконец, я откатилась от него, повернулась и широко улыбнулась и с любовью поцеловала. Затем я пошла в ванную, подмылась, вернулась с теплой мочалкой и тщательно вымыла его член и яйца.

Я сказала:

— Возьми меня еще раз, детка — возьми мою задницу и помни, что она всегда была твоей и только твоей. — Он наблюдал за мной, когда я воспользовалась своими руками, а затем губами и языком, чтобы дразнить его член, наслаждаясь чувствами, когда оживляла его. Я не торопилась, и минут через десять он стал удивительно твердым.

Я снова взяла смазку, нанесла много-много смазки на его член и еще немного в мою нежную задницу, а затем легла на спину, высоко подняв ноги. Я сказала:

— Возьми мою задницу отсюда, Бобби, чтобы я могла наблюдать, как ты забираешь то, что принадлежит тебе.

На этот раз он не колебался; он перекатился прямо между моими ногами, встал на колени и начал засовывать свой член в мою ждущую жопу. Было больновато, но я не пыталась его остановить. Когда он вошел полностью, я начала раскачиваться на нем, а он бился в меня, не быстро, но сильно, выходя на большую часть длины при каждом движении, а затем опускаясь снова, ударяясь пахом о мою задницу.

Когда мы трахались, я видела, как он наблюдает за мной, и улыбалась ему с любовью, продолжая говорить, что он — мой мужчина, а я — его, вся его и только его. Когда он начал ускоряться, я схватила его за задницу руками и сильнее прижала к себе. Я знала, что после этого мне будет очень больно, но хотела, чтобы он меня взял... и он это сделал...

Он начал трахать меня в попу так быстро, как только мог, его лицо покраснело, и он сказал:

— Да, ты МОЯ, твоя задница моя, и вся ты моя — ничья еще, поняла?! — и я кричала:

— Да, детка, да, я вся твоя, — и услышала, как он издал своего рода задушенный крик и кончил так сильно, как я когда-либо видела, он кончал, толкаясь и толкая меня, срывая дыхание, пока, наконец, не иссяк и не опустился на меня.

На этот раз я знала, что на какое-то время мы закончили, и меня это устраивало — моя задница была в огне. Через несколько минут я снова встала, подмылась в ванной, снова вымыла Бобби мочалкой, затем уложила нас в постель и выключила свет.

Он уже был в полусне. Я прижалась к нему и сказала:

— Я люблю тебя, и я всегда твоя — ничья больше, — и мы уснули...

На следующее утро ничего не было сказано — как будто этого и не было. Мы встали, приняли душ, я приготовила ему хороший завтрак, мы поговорили о том и о сем, и он ушел. Никаких «боже мой, это было здорово», или «спасибо за это», или даже «я отлично провел время». Не говоря уже о том, что «не хочешь встретиться как-нибудь в эти выходные?» Я знала, что мне придется его переждать.

Он не звонил всю субботу, а поскольку я — мазохистка, то проехала к его дому в тот вечер около девяти. На подъездной дорожке была машина, которая, как я решила, принадлежит Рэйчел. Я вернулась домой и некоторое время ходила по полу, затем легла спать. На следующий день машина все еще была на том же месте.

Дерьмо.

Но в понедельник около полудня позвонил Бобби, болтливый и веселый. Я подыграла ему, гадая, что, черт возьми, происходит. Он сказал:

— Я знаю, что времени осталось довольно мало, но завтра вечером в баре Оль Родео играют «Голые Морские Выдры». Ты свободна?

Черт возьми, я была свободна. Я не люблю эту группу так сильно, как Бобби, но мы все же хорошо провели время, и потом, когда он сказал:

— Ари, ты можешь вернуться домой сегодня вечером? — Я просто улыбнулась и сказала:

— Если только твоя кровать внезапно не стала меньше.

Он держал меня за руку по дороге к своему дому, и когда мы приехали, я быстро исчезла. Когда он запер дверь и пришел к кровати, то обнаружил меня голой на четвереньках, мою смазанную задницу и бутылку со смазкой рядом со мной. Прежде чем он успел что-нибудь произнести, я сказала:

— Я не хотела, чтобы ты забыл, кому всегда принадлежала эта задница.

На этот раз мне даже не требовалось сильно его сосать — я пошевелила перед ним задницей, пока он снимал одежду, а затем он встал позади меня и некоторое время смазывал и дразнил меня головкой своего члена, а затем легко вошел в мою попу. У нас был отличный секс, на этот раз медленный и не такой безумный, более расслабленный. Он потянулся и покрутил мои соски, а я скользнула рукой по клитору и испытала адский оргазм прямо перед тем, как он кончил в меня со счастливым стоном. После того как Бобби заснул, обняв меня, я долго лежала без сна. Я задавалась вопросом о нем и Рэйчел, о нем и обо мне, о том, вернемся ли мы и когда к «обычному» сексу. Я подумала обо всех взлетах и падениях, которые у нас были после его развода с Лорой, и возвращаясь еще дальше, с того дня, когда мы встретились, и с того дня, когда он узнал, как я ему изменяла.

Шансы на то, что мы вернемся к прежнему, были астрономическими. Я отдавала должное своей настойчивости, проницательности Джона и готовности Бобби дать мне хотя бы небольшой шанс сунуть ногу в дверь. Без всех этих трех вещей мы, несомненно, жили бы отдельно, в разных городах, возможно, вообще без каких-либо контактов. И мне было бы ужасно грустно, а он был бы зол, обижен и ранен.

«Так лучше», — подумала я. — «Еще не до конца, но, парни, так значительно лучше».

Я не видела Бобби пару дней — и мне было интересно, трахает ли он все еще Рэйчел — но в

субботу вечером он пригласил меня на ужин и сказал, что собирается сам его приготовить. Когда я приехала и увидела, что на ужин будет брускетта, стейки на гриле, печеный картофель и греческий салат, я улыбнулась про себя. Это были одни из тех блюд, что Бобби делал лучше всего, и это означало, что он приложил дополнительные усилия. Я помогла с салатом, накрыла на стол, похвалила превосходные стейки и хорошее вино, которое он нашел, и флиртовала с ним на протяжении всего ужина и десерта — почти так, будто мы не знали друг друга больше десяти лет.

Было слишком холодно выходить на заднюю веранду, поэтому мы сели вместе на диване в гостиной. Я прижалась к нему и сказала:

— Это, оказывается, очень хорошее свидание, детка. И знаешь, что?

Он посмотрел с интересом на меня, и я сказала:

— Я все еще на все, на все готова.

Я ожидала, что он рассмеется или хотя бы улыбнется. Но он очень серьезно посмотрел на меня и сказал:

— До тех пор, пока это только со мной.

Так что, я села прямо, будучи такой же серьезной. Я взяла обе его руки в свои и снова посмотрела на него.

— Только с тобой. Сейчас и на всю оставшуюся жизнь... или пока я буду у тебя.

Он долго смотрел мне в глаза — это было почти так, как если бы я давала ему клятву, хотя это было не то, что я не говорила раньше бесчисленное множество раз. Наконец, он расслабился и улыбнулся.

— Что ж, в таком случае, я должен сказать, что сам чувствую себя довольно готовым на все.

Я усмехнулась и притянула его к себе, и мы некоторое время лежали на кушетке, целуясь друг с другом, никто из нас не торопился. Мы целовались и перешептывались друг с другом, и он лениво гладил меня по груди, что сделало мои соски полностью твердыми.

— Как мило, — сказал он и просунул руки под мою блузку, стягивая мой бюстгальтер, чтобы добраться до них. Он теребил и дразнил их, все время целуя меня, и я действительно начала возбуждаться.

— В спальню? — спросила я, но он покачал головой и сказал:

— Пока нет... мне и здесь очень весело. — Он ласкал и целовал меня, облизывал мою шею и покусывал мочку уха, играл с моей грудью, пока я не подумала, что сойду с ума от возбуждения — я снова почувствовала себя девятнадцатилетней.

Я пыталась вытащить его член из штанов, но он не позволил, просто продолжая играть со мной, наконец, скользнув рукой вниз по моей промокшей промежности и разбудив мою киску тревожным сигналом. Спустя долгое время, после того как я была полностью готова к траху, он все еще дразнил и ласкал меня, а я уже была готова взлететь на орбиту!

— Пожалуйста, детка, — повторяла я снова и снова, и наконец, он просто взял меня на руки и понес в спальню. Я скинула одежду как можно быстрее, полезла в ящик тумбочки за смазкой и устроилась на четвереньках. Но Бобби просто опустил на колени позади меня, дышал на мою влажную киску, а затем начал лизать ее, мучая меня, сводя с ума своим языком, скользющим по всему моему клитору. Он держал меня за бедра, чтобы я не могла уйти, и лизал и лизал меня, пока я не кончила, крича, пытаюсь оттолкнуться от него, потому что этого было слишком много...

Я рухнула лицом вниз на кровать. Но менее чем через минуту он оказался сзади меня, снова

поднял меня на четвереньки, а затем плавно протолкнул свой член в мою насквозь мокрую пизду. Это было так фантастически, что я не сразу поняла, что это значит. Я просто сказала: «Оооох» и начала толкаться навстречу его бедрам.

Мы трахались жестко, возбужденно, пока он не кончил, а потом лежали рядом. Наконец, я поняла, что это была не моя попа! На этот раз он взял мою пизду!

Я перевернулась, чтобы посмотреть на него, и он улыбнулся.

— Ага. Не то чтобы мне не нравилось трахать твою задницу, Ари, но твоя киска была такой влажной и горячей, что сопротивляться было трудно.

Я крепко обняла его и исцеловала все лицо: щеки, уши, виски и, наконец, рот. Мы полежали еще немного, и я спросила:

— Еще?

— Ну, если ты выкручиваешь мне руки...

На следующее утро я выскользнула из постели, натянула одну из старых футболок Бобби и приготовила ему его любимый завтрак: яичницу, сосиски и вафли. Когда он вошел на кухню, вероятно, привлеченный запахом кофе, я крепко поцеловала его, усадила за стол и сказала:

— Ешь. Ты должен набираться сил.

Он широко улыбнулся:

— Это угроза?

— Я предпочитаю думать об этом как об обещании, которое будет выполнено примерно через тридцать минут. Зависит от того, хочешь ли ты принять душ до или после... и будем ли мы это делать вместе или по отдельности.

Остаток дня был почти как медовый месяц. Мы весь день лежали и вставали с постели, отдыхая от секса, чтобы вздремнуть и время от времени перекусить. Бобби посмотрел половину футбольного матча, пока я готовила ужин, и мы съели его в постели, прежде чем поставить тарелки на пол, чтобы еще немного потрахаться. Мы, должно быть, проделали это раз шесть и спали в воскресенье ночью, как двое мертвецов.

Я понятия не имела, что принесет следующая неделя, но Бобби, казалось, считал само собой разумеющимся, что мы — снова вместе, что я буду ночевать здесь каждую ночь. Меня это устраивало! Ближе к концу недели он говорил о том, что мы уезжаем на выходные, и я не смогла удержать вылетевшего из моего рта вопроса:

— Итак, что у тебя с Рэйчел?

— О, Рэйчел. — Он улыбнулся, заставляя меня ждать. — Нууу... — сказал он, все еще улыбаясь, — секс с ней был довольно горячим. — Я молча отметила прошедшее время. — Но секс с тобой еще лучше. А за пределами кровати ты — вне конкуренции.

Я улыбнулась в ответ, ожидая. Я знала, что он хотел, чтобы я задала другой вопрос, но я не стала. Мы просто смотрели друг на друга, улыбались, ждали, и, наконец, я сказал себе: «к черту» и сдалась:

— Так, ты и она...

— Мы закончили, — торжественно сказал он. — Я задумался над тем, что ты очень настаивала, чтобы быть преданной мне и только мне, так может быть, мне пора начать делать то же самое?

Он все еще ухмылялся, когда я вскрикнула, вскочила со стула и бросилась ему в объятия, целуя его и плача...

День благодарения — это традиционное время, когда можно поесть, пока не наберешься слишком много, а я был так набита, что едва могла дышать. Я стояла с Маршей на ее кухне, вытирала посуду и передавала ей кастрюли и предметы сервировки, а она их споласкивала и ставила в сушилку.

— Я не могу достаточно отблагодарить тебя за то, что позволила мне приехать, Марша, и за то, что была так гостеприимна. Для меня это значит больше, чем я могу высказать.

Она улыбнулась.

— Это было давно, не так ли? Держу пари, что никто из нас не ожидал, что когда-нибудь снова увидимся, когда случился развод.

— Это, конечно, правда. Я не могу поверить, что мы с Бобби снова вместе — и знаю, что мне дали второй шанс, которого я не заслуживаю.

— Я ничего не знаю об этом, Ари, но я знаю, что Бобби кажется действительно счастливым. Я не видела его таким расслабленным и комфортным с тех пор... ну вообще-то с тех пор, как вы двое женились.

Мы поговорили еще немного, и я сказала:

— Если у меня не будет возможности поговорить с Дэниелом наедине, не могла бы ты также поблагодарить его за меня? Я уверена, что ему было действительно трудно позволить шлюхе — бывшей жене своего младшего брата — вернуться в дом, особенно на семейный отдых.

Марша поставила мыльный горшок и очень серьезно посмотрела на меня:

— Сначала ему было довольно трудно поверить, что Бобби опять встречается с тобой... на самом деле, нам обоим. Дэн очень беспокоится за Бобби. Но они ужасно много говорили, как, я уверена, ты знаешь, и Дэн постоянно говорил мне, каким счастливым он выглядит, как будто ему вернули что-то украденное. Буквально на прошлой неделе Дэн сказал: «Будь я проклят, если могу это понять, но если Бобби найдет способ доверять Ари после всего этого, то я тоже попытаюсь это сделать».

Она посмотрела на меня и сказала:

— Только не делай ему снова больно, Ари.

— Не буду. Обещаю. — Мы серьезно посмотрели друг на друга, а потом она улыбнулась и тепло обняла меня, мыльные руки и все такое.

— С возвращением, — сказала она.

По дороге домой мы немного поболтали, затем сели в уютной тишине, пока Айпод Бобби играл один из наших любимых альбомов Айрон Пэйнтерс.

— Что ты думаешь о детях Дэна и Марши? — спросил он, удивив меня.

— Они классные. Хорошо себя ведут, веселые, отзывчивые, но при этом дурашливые и забавные. Просто отличные дети. И Аарон, в частности, кажется удивительно умным.

— Нет, я имел в виду... на самом деле я имел в виду, что ты думаешь о порядке их рождения, их следовании друг за другом? Ну, знаешь, девочка, затем три года спустя мальчик, затем два года спустя еще один мальчик.

Я повернула голову и посмотрела на Бобби, ведущего машину, отметив невозмутимое выражение его лица.

— Хорошо, — сказала я очень медленно и немного подозрительно. — Что ж, я полагаю, это очень хороший порядок, но также я не думаю, что он имеет большое значение. Если бы мы

говорили о моих детях, то было бы всего два требования — все остальное можно обсудить.

— Какие требования?

— Во-первых, их должно быть как минимум двое. Не единственный ребенок... Во-вторых, отцом должен быть ты.

Я продолжала смотреть на него.

— А к чему вдруг этот вопрос? — Я заметила, что он слегка сбавил скорость и отвел машину в зону отдыха. Он въехал на парковку и остановил машину.

Обернувшись ко мне, он сказал:

— Ну, если мы собираемся иметь детей, мне нужно знать, каких и сколько ты хочешь, и с какой разницей в возрасте.

Я заставила себя дышать. Я сказала:

— А мы СОБИРАЕМСЯ заводить детей?

— Мы не становимся моложе, детка. И я не хочу, чтобы мне было за сорок, когда ты надумаешь забеременеть.

Мой мозг действительно был похож на кашу. Я не знала, что сказать, но знала, что мне в самом деле нужно быть осторожной. Это было очень серьезно.

— Бобби, я... если мы... если ты спрашиваешь меня, хочу ли я иметь с тобой детей, ответ — да. А если вопрос, когда, то ответ будет: как только ты захочешь... как только я смогу остановить таблетки и заставить оборудование работать на полную мощность.

— Я думаю, что это то, чего я хочу, Ари. Думаю, я готов.

Он выглянул в окно.

— Знаешь, когда мы поженились, я на самом деле надеялся, что ты забеременеешь, ну, там, может, таблетка не работает или что-то в этом роде. А потом... Во всяком случае, тогда я потратил годы на то, чтобы думать, что не стану отцом. А теперь...

Он повернулся ко мне.

— Теперь ты вернулась. И я хочу пойти на это.

Я наклонилась и обняла его, прижав голову к его груди:

— Ты на самом деле вернул меня, обещаю... Скольких ты хочешь? — спросила я.

— Не знаю. Давай начнем с двух и посмотрим, останется ли у нас после этого энергия. — Он смеялся. — Я не имею в виду энергию, чтобы представить себе дом, по которому будут бегать более двух из них.

Затем он приподнял мой подбородок и поцеловал меня, и мы продолжали целоваться, крепко держась за руки.

— Хорошо, — сказала я. — Два прекрасных малыша нам подходит. И пока мы ждем, что таблетка выйдет из моего организма, может быть, мы сможем немного попрактиковаться?

Бобби засмеялся и снова поцеловал меня. А потом он просто обнимал меня еще немного, в то время как по моим щекам текли слезы...

Пока мы ехали сквозь темноту, я откинулась назад, положив руку на колено Бобби, согретая всепоглощающим счастьем. Мне не терпелось поговорить с Фелицией! И мне было интересно, какой подарок я могла бы купить Джону Эриксону, и как я могла бы поблагодарить его за все, что он для меня сделал.